

«Нужно просто сказать — да, поколение наших праотцов творило ужасные вещи»

Отрывок интервью NM (newsmaker.md) с историком Яном Томашем Гроссом

«Нацисты поощряли истребление евреев в оккупированных странах»

- Для начала расскажите, почему вы решили издать и представить перевод на русский язык «Золотой жатвы» именно в Кишиневе, а, скажем, не в Санкт-Петербурге или Москве?

- Все просто. Книга вышла здесь, потому что сюда меня пригласила группа прекрасных людей — ассоциация Never Again, Институт устной истории и другие. Я очень рад этому. Книга издана совместно с несколькими молдавскими организациями и местной еврейской общиной. Думаю, она будет доступна и в России, но туда меня пока никто не приглашал.

- В «Золотой жатве» вы рассказываете, как местные жители наживались на трагедии евреев. В том числе, раскапывая могилы на месте концлагерей, чтобы найти золотые зубы и украшения. Такое положение дел во время и после войны — это что-то характерное исключительно для Польши, или подобное происходило и в других европейских странах?

- Думаю, это распространенная история. Так сказывалось немецкое влияние в оккупированных странах Европы. Немного другая история в Румынии, сотрудничавшей с нацистами: у людей оказались развязаны руки, из-за чего, в том числе в Бессарабии и Буковине, произошли ужасные вещи.

Дело в том, что евреи жили по всей Европе, но особенно тесно селились к востоку от Германии. И там нацисты поощряли истребление еврейства. То, что я описываю в книге, в той или иной степени относится к Украине, Румынии и Литве.

На западе немцы вели себя иначе. Во Франции или Голландии, например, они не призывали местное население убивать евреев. Их вывозили на восток и убивали там, в нашей, восточной части оккупированного континента.

- Как вам кажется, в других странах участие местного населения в Холокосте — широко известный факт?

- Зависит от того, что вы понимаете под словом «известный». В Румынии Холокост с самого начала достаточно хорошо задокументирован. Есть, например, «Черная книга» Матгаса Карпа. Она была издана в Румынии 1946-47 годах. Карп был секретарем местной еврейской общины и прилагал огромные усилия для того, чтобы собрать все сведения из официальных источников. Румыны могут узнать историю Холокоста в своей стране, если захотят.

В Польше написанные мной книги в начале 2000 годов вызвали сильный отклик: по всей стране проводили широкие дискуссии на эту тему. Это вдохновило целую группу талантливых историков и социологов исследовать Холокост в Польше. И теперь об этом написано огромное число книг и статей. Таким образом, Польша в

более выгодном положении, чем многие другие страны.

В других частях оккупированной Восточной Европы, думаю, все несколько сложнее и может потребовать больше времени.

- А если говорить о национальном нарративе, представлении нации о себе, — стали ли эти события его частью? В Польше в частности.

- Участие местного населения в Холокосте очень сложно включить в национальный нарратив. Это, конечно, совершенно неправильно, потому что рано или поздно это нужно сделать. И чем раньше, тем лучше, мне кажется.

Поступки, совершенные и немцами, и жителями этих стран, вселяют ужас. Возвращаясь к Польше, 3 млн польских евреев было убито. Это значит, что было убито 3 млн польских граждан. В Польше евреи составляли 30% городского населения. Почему их трагическая судьба не может стать мейнстримом польской истории?

Подумайте о Кишиневе. До войны половина населения этого города составляли евреи. Судьба 50% населения города — это ли не часть законной истории Кишинева? Должна быть частью. И в том, что касается сохранения памяти, и по отношению к его нынешним жителям, которые в противном случае не знают ничего о самих себе, о том самом месте, где они живут.

Это относится и к полякам. К сожалению, то, как разворачивалась история и соучастие поляков в убийстве их соседей-евреев, сограждан, очень сложно уложить в повествование, в котором польские граждане престанут исключительным в статусе жертв войны. Еще труднее в него вписать историю о том, как некоторые сегменты польского населения действовали с особой жестокостью.

Конечно, определенные прорывы уже сделаны. Надеюсь, дальше откроется еще больше. Но это трудный процесс. Например, церковь против изучения этого вопроса, потому что она была глубоко вовлечена в распространение антисемитизма. Многие прекрасно знали, что происходи-

ло с евреями во Второй мировой войне, и не сделали ничего, чтобы это остановить. Поэтому лидерами церкви, правительства, парламента должны стать очень вдумчивые люди, способные об этом говорить. И мы все еще этого ждем.

- Как вы работали над «Золотой жатвой» и другими своими книгами о Холокосте в Польше? Хватало ли архивных данных и официальных документов и какими еще источниками вы пользовались?

- Сегодня нет никаких проблем для работы в архивах. Это еще одна ирония. Информация о том, что случилось, была на поверхности. Историки давно могли изучить ее. Во-первых, сразу после войны выжившие члены еврейских общин очень хорошо понимали, что произошло что-то масштабное. Многие из еврейского сообщества Польши и других оккупированных восточноевропейских стран, включая Румынию, потянулись после войны в Палестину или на запад. Это отдельная история. Но дело в том, что там, где евреи собирались после войны, прилагали усилия к тому, чтобы собрать истории, записать свидетельства о пережитом.

В Польше, например, сразу после войны было создано несколько организаций. Первая — Еврейский комитет, который занимался в основном благотворительностью и пытался обеспечить выжившим хоть какой-то прожиточный минимум. Кроме того, он помогал искать родственников — никто ведь не знал, кого и куда увезли, кто выжил, а кто нет. Одновременно с ним была основана очень важная структура — Историческая комиссия. Выжившие историки и социологи практически сразу начали раздавать анкеты, стараться уговорить людей записать воспоминания о том, что они пережили. Уже тогда, в 1940-х годах, было собрано много историй. Эти свидетельства всегда были «под рукой».

Есть и другой тип доказательств. По всей Европе после освобождения стран от нацистов проходили суды над теми, кто сотрудничал с гитлеровской Германией. В Румынии судили всех, кто поддерживал

режим Антонеску. Во время этих судебных разбирательств тоже собрано много доказательств уничтожения евреев и об участии в нем местного населения. К этому блоку документов тоже можно было обращаться.

Сейчас доступ к этим данным открыт. Польша в этом очень хороший пример. Группа историков проделала колоссальную работу, поэтому достаточно заинтересоваться этой темой. Дорога свободна. Все есть в архивах и уже написано много историографических работ.

- Насколько я понимаю, при всей доступности сведений, ваша книга «Соседи» о еврейском погроме в Едвабне, где поляки заживо сожгли около 1,5 тыс. евреев, была первым подробным рассказом об участии местного населения в Холокосте.

- Она не была первой. Она просто попала в болевую точку. В ней описывается только одно событие, которое было особенно зверским, бесчеловечным по своей жестокости. Когда я сам увидел эти доказательства и постепенно понял, что там в действительности произошло, меня это потрясло. Думаю, то же самое испытали в Польше многие из тех, кто прочел книгу. Скорее всего, именно этим и была вызвана широчайшая дискуссия. Вот в чем разница.

Но если бы кто-то захотел узнать об этих событиях раньше — не обязательно в Едвабне, но в целом о соучастии местного населения в Холокосте, — пришлось бы покопаться, но это было возможно. Просто после «Соседей» не знать об этом было уже невозможно. Именно потому, что это история теперь так широко обсуждалась.

- Проблема еще в том, что многие уверены, что говорить об этом — значит предвзвешивать обвинения.

- Придется стиснуть зубы и набраться терпения. Сейчас речь не об обвинениях. Ваше поколение, например, не несет ответственности за то, что делал предыдущее. Нужно быть идиотом, чтобы не понимать этого.

Единственное оправданное здесь обвинение — почему об этом не рассказывают. Тогда мы виновны в трансгрессии, потому что у любого человеческого сообщества есть обязательство оплакивать мертвых. А этих людей убили невообразимо жестоким образом. И самое малое, что мы можем сделать, — это сказать: «Бог мой, какая ужасная участь постигла этих людей».

Не хочу, чтобы это прозвучало как проповедь, но это важно для души всего сообщества. Это понимание себя, понимание кто ты есть. Рано или поздно человек любого ума, живущий в Кишиневе или Яссах, например, узнает и поймет, что половину населения этих городов составляли евреи. А что случилось с ними? Почему родители ничего не рассказали? Следующее поколение может очень разозлиться на старших за это молчание. Они зададутся вопросом: почему ничего не рассказывали? Вы в чем-то виноваты?